

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Изящное искусство
смерти

Инспектор мертвых

Властелин ночи

ДЭВИД МОРРЕАА

ВЛАСТЕЛИН
СНОЧИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
М 80

David Morrell
RULER OF THE NIGHT
Copyright © Morrell Enterprises, Inc. 2016
All rights reserved
This edition published by arrangement with Little, Brown
and Company, New York, New York, USA

Перевод с английского
Сергея Удалина, Марии Акимовой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-16045-3

© М. А. Акимова, перевод, 2017
© С. Б. Удалин, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Еще раз Гревелу Линдону и Роберту Моррисону,
моим проводникам в мире Томаса Де Квинси,
а также историку Джудит Фландерс,
сопровождавшей меня в прогулках
по темным улицам Викторианской эпохи*

Введение

НОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ СМЕРТИ

Трудно представить себе, каких размеров достигла Британская империя в XIX веке. Карты той эпохи обозначали ее владения красным цветом: Канада, Багамы, Бермуды, Гибралтар, Кипр, широкая полоса Африки, Бирма, Малайя, Сингапур, Гонконг, Австралия, Новая Зеландия и так далее. Говорили, что над Британией никогда не заходит солнце. Хозяйка четвертой части суши, она управляла третью населения земного шара — ни Александр Македонский, ни древние римляне и мечтать не могли о таком могуществе.

Сама Британия — страна, владевшая этими необъятными землями, — была сравнительно невелика. На первый взгляд это может показаться странным, но скромные размеры давали ей преимущество перед более крупными территориями, такими как Европа и Соединенные Штаты. Новые идеи быстро распространялись по ее ограниченному пространству, создавая крепкое ядро охватывающей весь мир империи, сила которой заметно возросла после изобретения новых чудес света.

Расстояние между гаванями Ливерпуля и фабриками Манчестера составляет тридцать пять миль, или пятьдесят с лишним километров. Сейчас его можно преодолеть за полчаса. Но в начале XIX века сырье и готовые

изделия перевозили только в фургонах и на баржах. Оба способа требовали сил и отнимали много времени, поездка по разбитым дорогам или узким каналам при самых благоприятных условиях занимала целые сутки, а в суровые зимы могла задержаться и на несколько недель.

Но в 1830-х годах было создано нечто поразительное — Ливерпуль и Манчестер соединила между собой железная дорога, первая в своем роде. Она стоила так дорого и была настолько непривычной, что многие финансисты посчитали эту идею безумием, однако новшество оказалось успешным, и уже спустя месяц после открытия первой железной дороги было решено построить вторую — от Манчестера до Лондона. Десятью годами позже Англию уже перечертили три с лишним тысячи километров железнодорожных путей. А к 1855 году общая длина железных дорог, соединяющих все уголки страны, составила почти десять тысяч километров.

Перевозить сырье, готовую продукцию и уголь теперь можно было так быстро и выгодно, что фабрики росли, как грибы после дождя, и в течение нескольких стремительных десятилетий Англия стала первой страной, в полной мере воспользовавшейся преимуществами промышленной революции, и достигла беспрецедентного мирового господства.

Томаса Де Квинси, одного из самых блистательных и скандально известных литераторов XIX века, печалили эти перемены. «В слепом стремлении угнаться за поездками люди скоро начнут бегать по улицам рысью, — писал Любитель Опиума, — а следующее поколение перейдет на галоп». В своем ностальгическом эссе «Английская почтовая карета» он воздавал хвалу конным экипажам, в которых путешествовал в юности. Верные десять миль в час он полагал достаточной скоростью.

При этом он ощущал единство с местностью, по которой проезжал, и испытывал привязанность к лошадям, что влекли его вперед. Теперь же, когда поезда достигали немыслимой скорости в пятьдесят миль в час, ему казалось, что «железные трубы и котлы опустошают человеческие сердца». Он вспоминал, какое волнение вызывал на почтовой станции звук рожка, возвещающий о приближении кареты, с каким благоговением прислушивались люди к топоту копыт. «Все взгляды с одинаковым любопытством притягивались к одной точке. А толпа на железнодорожном вокзале объединена ничуть не в большей мере, чем текущая вода, и ее внимание разбивается на столько частей, сколько вагонов в поезде».

Де Квинси, всегда проявлявший интерес к случаям насильственной смерти, не преминул отметить, что в день торжественного открытия железной дороги из Ливерпуля в Манчестер произошел несчастный случай. Когда поезд остановился на полдороге, чтобы долить воды в котел, один политик по фамилии Хаскиссон покинул свое купе. Он хотел извиниться за недавнюю словесную перепалку перед тогдашним премьер-министром герцогом Веллингтоном, который после победы в битве при Ватерлоо стал одним из наиболее почитаемых людей в стране. Хаскиссон двинулся вдоль путей, подошел к купе премьер-министра и обменялся с ним рукопожатием, но так увлекся разговором, что лишь в последний момент заметил встречный паровоз, быстро приближавшийся к нему по параллельному пути.

Поезд премьер-министра тоже тронулся с места. Хаскиссон побежал за ним. Он ухватился за дверцу купе, но та распахнулась в сторону приближавшегося паровоза. Хаскиссон повис на ней, но не удержался и упал под колеса встречного поезда.

Весть об ужасной смерти Хаскиссона разлетелась по стране, в один момент превратив его в знаменитость. Благодаря ей люди во всей Англии и по всему миру узнали о потрясающем изобретении и новом виде транспорта, который они прежде не могли даже вообразить.

Но железная дорога принесла с собой также новую разновидность смерти, и, как заключил Де Квинси — эксперт в изящном искусстве убийства, то была лишь первая жертва.

Всякую ночь, казалось, сходил я... в подземелья
и темные бездны, лежащие глубже известных нам
бездн, и сходил, едва ли надеясь возвратиться.

*Томас Де Квинси.
Исповедь англичанина, употреблявшего опиум*

Любитель Опиума, вы и есть настоящий власте-
лин ночи.

Ральф Уолдо Эмерсон — Томасу Де Квинси

Глава 1

ЗАПЕРТОЕ КУПЕ

Лондон

В четверг вечером, 22 марта 1855 года, хмурый джентльмен внимательно изучал документ на двух листах, что лежали на его массивном столе. Джентльмена звали Дэниел Харкурт. Пятидесятилетний поверенный имел тучное телосложение — следствие сидячей работы. Он был одет в серый сюртук и жилет превосходного покроя. Золотая цепочка его часов свидетельствовала о том, что адвокат успешен в своих делах. Горячие угли в камине пытались разогнать промозглый холод, оставшийся после недавнего дождя, но сейчас в них не было особой необходимости. Харкурта подогревало изнутри пламя триумфа.

— Вы совершенно уверены в этих сведениях? — спросил он, поднимая голову от документа. — Дом в Блумсбери? И все остальное?

Стоявший по другую сторону стола мужчина был одет в дешевое потертое пальто. Морщины на его грубом лице говорили о том, что специфика работы требовала от него часто бывать на открытом воздухе.

— Я все сделал сам, мистер Харкурт. Если бы вы, как я, десять лет патрулировали эти улицы, то знали бы, у кого нужно спрашивать. Разносчики газет, уличные метельщики, мойщики со стоянки кебов — такие ребята

ничего не пропускают и могут доказать мои сведения всего лишь за шестипенсовик. Лицо этого человека нарисовал лучший уличный художник в Блумсбери. Все, что я вам сказал, — истинная правда.

Харкерт вытащил из ящика стола листок бумаги и подтолкнул его к посетителю. Затем обмакнул перо в чернила и также протянул ему.

— Напишите свое имя.

— Но вы же знаете мое имя. Я Джон Солтрем.

— Все равно напишите.

— Думаете, я не умею? — глухо возмутился Солтрем. — Думаете, в столичной полиции будут держать констебля, не умеющего писать?

Харкерт положил рядом с листом золотой соверен.

— Сделайте одолжение. Напишите свое имя.

Солтрем долго смотрел на монету и наконец исполнил просьбу, скрипя металлическим пером.

— Вот, пожалуйста, — заявил он, возвращая листок и перо.

— На той бумаге, что вы мне принесли, другой почерк, — заметил Харкерт.

— Я сказал, что умею писать. Но не сказал, что умею писать аккуратно. Это моя благоверная настрочила, под мою диктовку. Я не мог доверить такое дело кому-то другому.

— Откуда мне знать, что вы не сделали копию? Откуда мне знать, что вы не попытаетесь продать эти сведения человеку, за которым следили?

— Это было бы не очень разумно с моей стороны, вам так не кажется, мистер Харкерт? Мне нужна постоянная работа и не нужны неприятности от такого человека, как вы.

Поверенный задумался на мгновение, а затем выложил на стол еще пять соверенов. Это равнялось пятинедельному жалованью констебля.

— Вот плата, о которой мы договаривались, — сказал он. — И еще один соверен сверху.

— Благодарю, мистер Харкерт. Покорнейше благодарю. — Солтрем засунул монеты в карман брюк. — Если я могу еще что-то для вас сделать...

— У меня всегда найдется поручение для человека, умеющего держать язык за зубами. На самом деле ваши услуги понадобятся мне очень скоро. Но сейчас уже поздно, и я уверен, что вам не терпится вернуться к своей жене.

— Да, мистер Харкерт. Хорошо, мистер Харкерт.

Уходя, Солтрем провел рукой по губам, и по этому жесту можно было предположить, что он скорее отправится в таверну, чем к себе домой.

Харкерт посмотрел вслед удаляющейся по коридору фигуре и прикрыл дверь в кабинет. Он подождал, пока затихнут шаги спускающегося по лестнице Солтрема, и только потом дал волю пламени триумфа, подтолкнувавшему его к действию.

Поверенный решительно вытащил золотые часы из жилетного кармана. Двадцать семь минут девятого. Он редко задерживался на работе так поздно, но выбирать не приходилось — встретиться с Солтремом можно было лишь тогда, когда здание опустеет, чтобы никто не заметил посетителя.

Харкерт спешно выбросил в мусорную корзину листок с именем. Затем торопливо надел пальто, перчатки и цилиндр. Положил двухстраничный документ в кожаную папку для бумаг, прихватил зонтик, погасил лампу и вышел в коридор. Он быстро спустился по лестнице, туша одну за другой лампы, освещавшие холл.

Контора поверенного располагалась на Ломбард-стрит, нынешним вечером затянутой холодным туманом. Это была одна из самых коротких улиц в деловом квартале Лондона — квадратной миле, почтительно

именуемой Сити, непременно с заглавной буквы «С». Несмотря на скромные размеры Ломбард-стрит, близость к величественному Английскому банку и Королевской бирже ставила ее в один ряд с самыми престижными улицами в мире.

Широкими шагами Харкерт двинулся по мокрому тротуару к стоянке кебов. Днем здесь скапливалось до двадцати экипажей — больше, чем разрешено законом, но теперь, когда все конторы уже закрылись, и пара кебов была большой удачей.

Быстро забравшись внутрь одного из них, Харкерт крикнул вознице в высокой шляпе, устроившемуся на задке экипажа:

— Юстонский вокзал! Мне нужно успеть к девяти-часовому поезду!

— Времени в обрез, почтеннейший.

— Плачу втрое больше обычного.

Обрадованный кебмен щелкнул кнутом, и двухместный экипаж резво помчался вперед. Стук копыт отражался от стен опустевших зданий. Возница то и дело петлял в неожиданной толчее направлявшихся на север от моста Блэкфрайрз экипажей. Щелкнув кнутом еще сильнее, он погнал лошадь по Холборн-хилл, а затем повернул направо на Грейс-Инн-роуд.

Кеб проехал мимо погруженного в туман уличного фонаря, и Харкерт, то и дело поглаживающий папку с бумагами, взглянул на часы — оставалось всего десять минут.

Поверенный постарался успокоить дыхание. Он всегда нервничал перед поездкой по железной дороге, с грустью вспоминая эпоху почтовых карет, когда скорость доставляла удовольствие, а не пугала.

— Скоро приедем, почтеннейший, — крикнул кебмен, поворачивая влево на Нью-роуд.

— Уже почти девять часов!

— Не волнуйтесь, почтеннейший. Просто приготовьте монеты.

Впереди показалась Юстон-сквер. Харкерт в нетерпении схватил папку с бумагами и зонтик, пока кеб проезжал под огромной римской аркой перед вокзалом. Спрыгнув на тротуар, он бросил монеты вознице и помчался к Большому залу. Не удостоив взглядом колонны, статуи и величественную лестницу, адвокат подбежал к окну единственной еще не закрывшейся билетной кассы.

— На девятичасовой поезд до Седвик-Хилла, — сказал он, протягивая кассиру крону.

Тот не стал спрашивать, желает ли пассажир ехать первым классом; золотая цепочка от часов говорила сама за себя.

— Вам лучше поторопиться, сэр.

Харкерт выхватил у него билет и устремился к поезду.

— Вы забыли сдачу, сэр!

Не обращая внимания на крик за спиной, Харкерт выскочил через ворота на перрон. Классическую архитектуру Большого зала сменил уродливый потолок из стекла и стали, покрытый копотью от бесчисленных паровозов.

Харкерт показал контролеру билет и поспешил вдоль состава к нетерпеливо шипевшему паровозу. Он миновал вагоны третьего класса, в которых пассажиры могли ехать лишь стоя. Затем второго класса, с жесткими сиденьями. Общественный статус заставлял богатых пассажиров ездить в голове поезда, несмотря на шум и снопы искр, извергаемые паровым двигателем.

Наконец запыхавшийся Харкерт добрался до двух вагонов первого класса. Каждый из них делился на несколько купе с отдельным входом.

Он заглянул в первую открытую дверь, но купе уже оказалось занято. Ему не нравилось находиться в ограниченном пространстве с незнакомыми людьми. Правила приличия требовали обменяться с ними несколькими учтивыми фразами, но потом наступало неловкое молчание. Днем он мог бы уклониться от разговора, читая газету, купленную в книжном киоске У. Г. Смита на вокзале, но сейчас единственная лампа давала недостаточно света для чтения, так что ему пришлось бы ехать всю дорогу, уставившись в темноту за окном.

К тому же пассажиры, которых Харкерт разглядел в открытую дверь, были, мягко говоря, странными. Костюм одного из них, низкорослого пожилого человека, больше подходил для скромных похорон. Даже в тусклом свете лампы было заметно, что мужчина взволнован. Сидя он продолжал поочередно поднимать и опускать ноги, будто топтался на месте. Незнакомец также судорожно сжимал и разжимал кулаки, а его лицо покрывали бисеринки пота.

Его молодая спутница, сидевшая напротив, тоже выглядела достаточно странно. Она взглянула на поверенного голубыми сверкающими глазами, и он не смог не признать ее привлекательности, однако одежда девушки также была неуместной. Вместо кринолина, приличествующего даме из высшего общества, она носила шаровары, выглядывающие из-под юбки. Нет, Харкерт определенно не имел намерения провести в одном купе с такими людьми даже двадцать минут.

Он двинулся дальше по направлению к паровозу и посмотрел в следующую открытую дверь. К счастью, купе оказалось свободно.

В нем располагалось по четыре сиденья справа и слева таким образом, чтобы пассажиры сидели лицом друг к другу. В конце купе располагалась вторая дверь.

Общего коридора, соединяющего все купе, в вагоне не было, каждое из них представляло собой отдельную комнату с двумя выходами.

Харкурт забрался в купе и устроился на подушке из синего атласа, положил рядом с собой папку и зонтик и только после этого осознал, как разволновался во время погони за поездом. Он снял перчатку и коснулся ладонью лица: щека была влажной от пота. Вспомнив о маленьком человечке в соседнем купе, Харкурт задумался о поспешности, с которой он осудил незнакомца.

— Успели в последнюю минуту, сэр, — произнес кондуктор в открытую дверь.

— Да уж, — ответил Харкурт, стараясь не выдать своего облегчения.

Однако оказалось, что кондуктор обращался вовсе не к нему.

Тяжело дыша, в купе поднялся еще один пассажир и тут же тактично опустил глаза, чтобы не принуждать попутчика к разговору. Он оказался настолько любезен, что прошел к дальней двери и уселся на той же стороне, что и Харкурт, спасая поверенного от неловкого обмена взглядами.

Харкурт прислонился спиной к стенке купе, но так и не смог успокоиться. Он не успел послать телеграмму тому человеку, с которым ему так не терпелось встретиться, но решил, что, когда он достигнет Седвик-Хилла, в местной таверне найдется кто-нибудь, кто согласится за полкроны доставить сообщение в близлежащее поместье, и оттуда вышлют экипаж. Обитатели особняка наверняка переполошатся из-за столь позднего визита, но когда Харкурт покажет своему клиенту два драгоценных листка, тот, вне всякого сомнения, по достоинству оценит старания своего поверенного.

Кондуктор захлопнул дверцу и запер ее на ключ. Как бы громко ни шипел паровоз, Харкурт все-таки расслы-

шал скрежет металла, когда служитель закрывал следующее купе... затем еще одно и еще.

Поверенный невольно вспомнил, как когда-то в детстве старшие братья заперли его в сундуке, стоявшем в кладовой. Скорчившись в темном, тесном ящике, он отчаянно колотил в крышку, умоляя, чтобы его выпустили. Воздух внутри сундука сделался теплым и влажным от его дыхания. Он кричал все слабее, дышал все реже, в голове у него помутилось. Внезапно его ослепил яркий свет, братья с шумом откинули крышку и, смеясь, убежали прочь.

Мужчина, оказавшийся в одном купе с Харкуртом, тоже выглядел встревоженным и сидел в напряженной позе, выправив спину.

Паровоз запыхтел, чугунные столбы и закопченный стеклянный потолок перрона поплыли назад. Харкерт решил было полюбоваться окружающим пейзажем, если можно так выразиться, но латунная решетка на окне мешала сосредоточиться. Ее установили, чтобы помешать пассажирам высунуться наружу и удариться головой о какой-нибудь предмет, мимо которого проезжал поезд. По схожей причине купе запирались снаружи, иначе кто-нибудь мог случайно или даже умышленно открыть дверь в глупой попытке улучшить обзор и тоже удариться обо что-то или же потерять равновесие и упасть под колеса поезда.

Харкерт прекрасно понимал, зачем нужны эти предосторожности, но лицо его все равно покрылось потом. Из-за решеток на окнах и запертых дверей ему представлялось, что он находится не в купе поезда, а в тюремной камере.

Мужчина, деливший с ним это тесное помещение, поднялся и пересел на сиденье напротив Харкурта, почти касаясь его колен своими.

«Какая вопиющая бестактность, — подумал адвокат. — Может быть, это коммивояжер? Может быть, он надеется что-то мне продать?»

Поверенный упорно смотрел в окно, делая вид, что не замечает попутчика.

— Добрый вечер, мистер Харкурт.

«Черт побери, откуда ему известно мое имя?»

Харкурт поневоле обернулся и посмотрел незнакомцу в глаза.

— Вы? — воскликнул поверенный.

Незнакомец набросился на него. Харкурт попытался было закрыться зонтиком, но нападавший отнял у него ненадежную защиту и бросил на пол. Одной рукой незнакомец сжал горло Харкурта, а второй выхватил нож и ударил попутчика в грудь.

Лезвие наткнулось на что-то твердое и соскользнуло вниз. Нападавший выругался. Харкурт отчаянно пытался отбросить душившую его руку.

И тут начался ад.

Из дневника Эмили Де Квинси

После трех месяцев пребывания в Лондоне я не ожидала, что наш с отцом отдых от бесконечных исков кредиторов столь внезапно прервется. Спустя несколько недель после покушения на королеву Викторию, в свой двадцать второй день рождения я воспользовалась случаем, чтобы обратиться к чувствам отца и заставить его признать, что многолетняя зависимость от опиума может закончиться для него фатально.

За двумя бессонными днями последовали двадцать четыре часа тревожного забытья, когда сквозь посещавшие отца кошмары промаршировали все призраки его прошлого, а покойные мать и сестра говорили с ним.

Отец почти ничего не ел, кроме хлеба, вымоченного в теплом молоке. Он признался, что каждый день принимал целых шестнадцать унций лауданума — растворенного в бренди опиумного порошка. Такое количество алкоголя было достаточно разрушительным даже без добавления опиатов.

Под присмотром доктора Сноу отец начал уменьшать дозу лауданума на половину унции каждые три дня. При малейшем признаке сопротивления организма ему было велено добавлять четверть унции к обычной порции и оставаться на этом уровне, пока не утихнут дрожь и головные боли. А потом продолжать постепенное снижение дозы на пол-унции.

Этот способ оказался не только разумным, но и весьма эффективным.

Отцу удалось снизить дозу до восьми унций в день. Это по-прежнему было чудовищно много, учитывая, что люди, не привычные к опиуму, могли умереть от одной столовой ложки лауданума, но отец привыкал к нему более четырех десятилетий.

Его голубые глаза прояснились. Он начал есть бульон, временами даже с клецками.

Он снова начал писать, добавляя новый материал к собранию своих сочинений, которое готовил его шотландский издатель. Получив новые страницы, тот даже прислал нам десять фунтов. Неожиданная любезность, учитывая, что отец уже давно потратил весь свой гонорар.

Наши дорогие друзья Шон и Джозеф (я имею в виду, конечно, инспектора Райана и сержанта Беккера) радовались успехам отца и вместе со мной, как могли, подбадривали его. Но они не знали отца так хорошо, как я, и все то время, пока он боролся со своим пристрастием, я не могла не вспоминать, как уже не раз проходила вместе с ним этот путь. Особенно меня тревожило, что он задумал новую версию своей «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» — не только отредактированную, но и дополненную.

Как только я начала надеяться, что отец сможет освободиться от наркотика, он принялся пересматривать мучительный текст, написанный как будто в прошлой жизни, еще раз воссоздавать ужасные события, что привели его к зависимости от опиума. Снова он описывал, как семнадцатилетним юношей едва не умер на заснеженных улицах Лондона. Снова вспоминал несчастную Энн, свою первую любовь, пятнадцатилетнюю девушку с улицы, которая спасла его, ослабевшего от голода, но потом пропала без вести.

Я делала все возможное, чтобы отвлечь его. В тот четверг, вечером, Шон и Джозеф отвели нас в недавно открывшийся, но уже на шумевший ресторанчик в Сохо, чтобы отпраздновать середину пути к освобождению отца от пристрастия к лаудануму.

Рана на животе Шона к тому времени вполне зажила, и у Джозефа больше не двоилось в глазах из-за удара по голове.

Укрепившееся здоровье каждого из нас и стало поводом для торжества. Отец даже предложил оплатить банкет из тех десяти фунтов, которые мы недавно получили.

— Не стоит беспокоиться, сэр. Мы забыли сказать вам, что Джозеф и я теперь богачи, — сообщил Шон.

— Богачи? — озадаченно переспросил отец.

— В самом деле. В качестве компенсации за наши ранения каждый получил премию в пять фунтов из особого фонда Скотленд-Ярда. И мы не можем придумать лучшего способа потратить часть этого громадного состояния, чем угостить вас и вашу дочь ужином.

Цветочный орнамент на потолке ресторана, яркие стеклышки в люстрах и искусно обрамленное зеркало над камином были чудо как хороши. Все складывалось так славно, что за шумом разговоров никто не обратил внимания ни на мои блузерсы, ни на шрам на подбородке Джозефа, ни на рыжие волосы Шона, когда тот снял кепи. Посетителей даже не заинтересовал низкий рост отца.

Но едва мы все расположились за столом, моя улыбка померкла. Это всегда начиналось с его глаз. Их голубизна

стала хрупкой, как старинный фарфор. Затем лицо отца побледнело и внезапно заблестело от пота. На щеках появились новые морщины. Он схватился за живот и, дрожа всем телом, выдавил из себя лишь одно слово:

— Крысы.

Мужчина за соседним столом уронил вилку:

— Крысы? Где?

— Они грызут мой желудок, — пожаловался отец.

— Вам подали крыс?

— Мой отец болен, — объяснила я. — Сожалею, что беспокоили вас.

— Крысы в желудке? Тогда пусть проглотит кошку.

Отец застонал, и Шон с Джозефом помогли ему выбраться из-за стола и выйти на улицу. Дождь, пролившийся вечером, придал лондонскому воздуху редкую для него свежесть. Я надеялась, что вместе с окутавшим нас холодным туманом они укрепят отца и смягчат его муки.

— Эмили, не отвести ли нам его к доктору Сноу? — спросил Шон.

— Не думаю, что он сможет нам чем-то помочь. Подобное случалось и прежде. Всегда есть уровень опия, ниже которого отец не в состоянии опуститься.

Повинуясь указаниям врача, я достала из кармана бутылочку с лауданумом и чайную ложку.

— Вот, отец.

Из печального опыта я знала, что другого пути не было. Ложечка рубиновой жидкости сделала свое дело. Дыхание отца начало успокаиваться. Постепенно он перестал дрожать.

— Мистер Де Квинси, у вас лишь небольшое обострение, — сказал Джозеф. — Завтра все снова будет в порядке.

— Да, лишь небольшое обострение, — пробормотал отец.

В слабом свете уличного фонаря я увидела, что у него в глазах стояли слезы.

Обычно отец ходил бодро, как будто опиум был для него возбуждающим, а не успокоительным средством. Но в ту ночь, пока мы возвращались по Пикадилли в дом лорда Палмерстона напротив Грин-парка, он шагал медленно и вяло.

Огромный особняк был одним из немногих на Пикадилли, что располагались в глубине от улицы. Одни ворота предназначались для подъезда, другие — для выезда. Изогнутая дорожка за ними вела к величественному крыльцу, на котором часто появлялась королева Виктория, когда ее двоюродный брат герцог Кембриджский владел зданием, до сих пор известным как Кембридж-Хаус.

Швейцар, не слишком довольный тем, что ему пришлось выбираться на улицу в холодный туман, отпер ворота.

— Лорд Палмерстон ожидает вас, — сказал он. — Пришла телеграмма.

— Для меня?

Судя по тону, Шон опасался, что свершилось еще одно страшное преступление.

— Для мистера Де Квинси.

Отец поднял голову в замешательстве:

— Для меня? Кто, скажите на милость...

— Может быть, ваш издатель, — предположил Джозеф.

К отцу вернулась часть его жизненной силы, пока лакей открывал тяжелую дверь.

Мы вошли в огромный холл, ярко освещенный люстрой и сверкающими хрустальными лампами на стенах. Греческие статуи, восточные вазы и огромные портреты благородной семьи лорда Палмерстона никогда не переставали поражать меня. Принимая во внимание все те сырые и тесные жилища, в которых приходилось ютиться нам с отцом, я и мечтать не смела поселиться в таком дворце, хотя лорд Палмерстон всегда относился к нему как к обычному дому.

Его светлость тут же появился на верхней площадке громадной лестницы, словно все это время поджидал нас.

Моррелл Д.

М 80 Властелин ночи : роман / Дэвид Моррелл ; пер. с англ. С. Удалина, М. Акимовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-16045-3

Писатель Томас Де Квинси, знаменитый Любитель Опиума, вместе с дочерью Эмили отправляется в Озерный край, чтобы спасти свою библиотеку, выставленную на аукцион. В поездке они становятся свидетелями поистине исторического преступления — первого убийства на только что появившейся в Англии железной дороге — и возвращаются в Лондон, чтобы помочь своим друзьям, полицейским Райану и Беккеру. Однако премьер-министр Великобритании лорд Палмерстон по непонятным причинам препятствует расследованию этого и других преступлений, чрезвычайно взбудораживших страну.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЭВИД МОРРЕЛЛ
ВЛАСТЕЛИН НОЧИ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Ирина Лебедева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Нина Тюрина, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.07.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-24466-02-R